

Annotation

Обычный человек видит в зеркале свое отражение, а я – горбатую старушку

с бородавкой на носу!

Чудесное заклятие наслала на меня родная сестрица, что тут скажешь? Только живи дальше да надейся, что когда-нибудь все изменится. И придет к тебе один из добрых молодцев не за волшебным клубком, а пожелает растопить твое заледеневшее сердце.

Что еще прилагается в придачу к заклятию? Говорящий кот, проснувшаяся магия и... любовь!

Ольга Шерстобитова

Ольга Шерстобитова
Заклятие

Ядвига.

Ветра на этот раз не было, но заплетенные в косу волосы все равно растрепались, и прядки лезли в лицо, время от времени не давая рассмотреть, что впереди. Холодный ночной воздух обжигал щеки, а руки, которыми я держалась за основание метлы, заледенели.

Опять

придется долго их растирать, чтобы вернуть

чувствительность.

Сенька, сидевший у меня на коленях, недовольно мурлыкал, прикрывал ярко-зеленые глаза, задевал пушистым хвостом мои колени. Кот нервничал: в отличие от меня, он не любил летать на метле. Для меня же это – единственная радость: взобраться раз в месяц на ведьминский артефакт, провести рукой по крепкому основанию, прикоснуться рукой к колючим веткам и подняться в небо.

Правда, своего первого полета я почему-то не помнила. Все тогда смазалось. Метла попалась своенравной, постоянно норовила меня сбросить. Пару раз я чуть не упала, земля и небо кружились, как в калейдоскопе, а волосы пришлось потом вычесывать старым потрескавшимся гребнем. В них попали сухие листья, иголки и даже солома. Хотя откуда взялась последняя – неясно. Вроде бы я над чащей летала.

В памяти остался совсем другой полет. Я впервые рискнула сесть на метлу ночью – и мир для меня навсегда изменился. Рассыпанные по темному небосклону звезды казались ближе. Руку протяни – и рядом чудо. Я и тянулась, пыталась зачерпнуть пригоршню огоньков и чуть не упала в болото. Но это не омрачило радости. Наоборот. Держась за метлу, я летела к линии горизонта до рассвета, и, когда взошло солнце, захотела

его догнать и обнять. Так оно

было прекрасно.

И не беда, что потом пришлось целый день добираться до дома.

Ох и попало мне тогда от Сеньки!

Я улыбнулась этим нечаянным воспоминаниям, почесала друга за ухом и глубоко вдохнула. Лесные запахи – они особенные. Если уметь чувствовать, то можно различить множество оттенков.

С запада тянуло болотом. Терпкая ряска, кисловатый запах клюквы, для которой только-только пришел черед, тонкий, почти не уловимый аромат последних, самых поздних кувшинок. Они пахнут горечью, которую приносит едва ощутимый ветерок. Сколько отчаянных молодцев сгнуло в этих местах, пытаюсь сорвать для суженой хотя бы один белоснежный цветок! И сколько еще сгинет... Но кувшинки манят к себе, зовут, обещают бесконечное счастье. Только ложь это все. Цветы на болоте самые обычные, а сладкие речи нашептывает болотник. И ему ведь верят... Хоть бы один из молодцев, прежде чем лезть в зыбкую трясины, задумался, откуда на болоте взялись цветы? Но сколько ни предупреждай – толку нет. Матушка как-то сказала, что ради любви принято совершать подвиг, но забыла упомянуть, что рядом с ним шагают еще и глупость с безрассудством.

С востока ночной ветерок, потревожив макушки треугольных темно-зеленых елок, принес на легких крыльях совсем другие ароматы: душистой хвои, прелых листьев кленов и дубов, дурманящей рябины. Я словно наяву увидела, как среди листьев прячутся тяжелые гроздья

ягод, которыми зимой любят лакомиться

птицы.

А на юг лететь было нельзя, хоть и очень хотелось. Там меня ждет беда! Почти два года в глуши живу. Кроме молодцев, что приходили за советами да волшебными путевыми клубками, которых у меня и в помине не было, людей я не видела. Первое время – опасалась, носа не показывая из избушки, что меня приютила. А потом стала потихоньку выбираться

в лес, собирать грибы,

ягоды, травы.

Тоску по людям и общению с ними, конечно, унять не получалось. Но желание жить было сильнее. Понимала: если пойду даже в ближайшую

деревню, до которой двое суток пути, –

учую.

Сенька, иногда навещавшийся в поселение, пересказывал последние новости. Они меня не радовали. В каждой деревне чародеи закопали кристаллы, поместив в них каплю крови сестрицы. Стоит мне подойти к этим кристаллам на расстояние тридцати локтей, как кровь отзовется. И прощай, белый свет! Да лучше бы родная сестрица защитные заклинания поставила против нежити, от которой погибают

люди. Сила у нее огромная. Так нет, ей меня подавай! О чем тут еще говорить? Тьфу!

Я вздохнула, снова улавливая аромат, намекающий, что людское поселение совсем близко. Манил теплый хлебный запах, дурманил

голову дым от костров. Люди... На мгновение показалось, что я даже слышу чей-то смех. Вгляделась в ночное небо с замершими звездами. Тихо. Никого здесь нет. Только вдалеке, в глубине леса, изредка ухают совы

да опадают желтые листья от редких порывов ветра.

Как же все-таки хотелось к людям! Погулять в цветном сарафане по ярмарке, наслаждаясь шумом заезжего балагана и смехом носящейся

детворы. Погрызть сахарных леденцов, с любопытством поглядывая на удалых молодцев. Пройтись по пыльным улицам, рассматривая слюдяные стекла и заросли мальв в палисадниках. И нельзя. Ничего нельзя! А все кажется таким простым... Лишь слегка направить основание метлы вниз, развернуться...

– Поворачивай на север, иначе снова собьешься с пути, – сказал Сенька. – И выше поднимись.

Я вздохнула и направила метлу в сторону, набирая высоту. До волшебного озера осталось совсем немного. Во время полета мы с Сенькой почти никогда не разговаривали. Это напоминало своеобразный ритуал: лететь, прижавшись друг к другу, и молчать.

Озеро блеснуло слева, и метла, послушная моим прикосновениям, стала спускаться. Вода была неподвижной, темной и спокойной. Я знала, что мне ничего здесь не угрожает, никто не проберется к волшебному озеру, но все равно поежилась. Должна ведь уже была привыкнуть за два года к тому, что раз в месяц я должна нырнуть и хлебнуть воды из источника. Иначе мое заклятие будет никогда не снято.

Ключ в озере волшебный. Люди зовут его живой водой и верят, что он обладает великой силой, способной исцелить любые раны. Только он не снимает заклятия и не лечит разбитое сердце, сколько ни ныряй и ни пей ледяной воды, сводящей скулы. Даже временного забвения

не дарит.

Я скинула плащ, сарафан и рубашку, ежась от холодного осеннего воздуха, подошла к кромке воды, глубоко вдохнула и вошла в воду. Бр-р-р! Ледяная. Но нырять все равно придется. Иначе потеряю даже эту крошечную

надежду на чудо.

Матушка, пока была жива и ее не убила моя старшая сестрица

Марьяна, вознамерившаяся стать царицей, всегда говорила, что надо верить в лучшее. Всем сердцем верить. И тогда это лучшее придет, прокрадется незаметно, сядет, как бабочка, на плечо. И первое время я

верила. Отчаянно, неистово, но... сколько должно пройти времени?
Где

брать силы, чтобы не сдаться?

Я нырнула, загребая руками, зная, что до дна здесь не так уж и глубоко. Слышала, раньше в озере водились русалки. Куда делись? Умерли? Уплыли? В воде даже не мелькали рыбы, она лишь кутала меня в свои холодные объятия. Я плыла, а в голове крутились воспоминания. На этот раз неприглядные, страшные...

Умерший отец, умершая матушка, темный сгусток заклятия, посланного в меня сестрицей. Из дворца я бежала темной ночью, накинув плащ и скрывая лицо под капюшоном. Нет, быть узнанной я не боялась. Разве можно в горбатой старухе с бородавкой на длинном крючковатом носу признать младшую царевну? Просто по щекам текли слезы, и их показывать никому не хотелось. Сестрица, уничтожившая своей магией в тот день чуть ли не пол царского двора, была столь занята переворотом, что вспомнила обо мне к рассвету, поэтому время на побег в суете и шуме было.

Родителям я уже ничем помочь не могла. Воевод защитили сильные обереги, завязанные на клятве верности. Меня они не спасли. Все амулеты и талисманы почему-то тогда не подействовали. Так и попало то злополучное заклятие в меня, едва я кинулась защищать отца.

Не успела.

Погоня за мной была знатная, и скрылась я тогда чудом. Лес оказался другом, укрыл, спас и довел до заброшенной избушки, крыша которой поросла мхом. Внутри, как ни странно, оказалась посуда и сундук с одеждой, а в маленьком погребе обнаружили разносолы. Я заночевала на лавке, вслушиваясь в шум дождя за давно немывыми окнами, а утром в доме появился Сенька, и влетела в распахнутые двери метла.

Раньше в избушке жила ведьма, но она давно сгинула. Лишь сухие травы в мешочках напоминали об ее присутствии. Я колдовать не умела. Нет у меня способностей, как у сестрицы Марьяны, поэтому удивительно, что метла отозвалась. Сеньке же я честно рассказала про то, кем являюсь, и про заклятие.

Вскоре мы, тайком встретившись с одной сильной ведьмой, живущей в непроходимой чаще, выяснили, что темные чары не снять.

И тогда кот показал волшебное озеро, вода которого позволяла мне хотя

бы на одну ночь в полнолуние

становиться собой.

До рассвета.

Я подплыла к источнику, сделала пару глотков и, оттолкнувшись от дна, направилась к поверхности. Дышать становилось сложнее, перед глазами плыли круги, а грудь неимоверно жгло. Когда я вдохнула холодного воздуха, даже не сразу поняла, что уже нахожусь на поверхности. В ушах звенело, я отчаянно выплевывала воду и кашляла.

– Ядвига, выпила?

Сенька всегда звал меня полным именем, в отличие от той же сестрицы, дразнившей Ягой – костяной ногой. Впрочем, под действием заклятия я на нее и стала похожа. Разве что упомянутая конечность была самой обычной. Только кости по вечерам ныли.

– Выпила, – сипло ответила я, выползая на берег и стуча зубами. Натянула одежду и отправилась к заранее собранному хворосту. Спустя время, на берегу весело затрещал костер, а мы с Сенькой уселись на бревно и стали ждать рассвета. Это тоже уже стало традицией: после моего ныряния в волшебное озеро смотреть, как солнце согревает лучами мир.

Звезды исчезали медленно, неохотно, словно кто-то бережно снимал каждую из них с небосклона и клал в большой зачарованный мешок, чтобы вечером небрежно их оттуда вытряхнуть. Горизонт светлел, и вскоре первая алая полоса появилась на небе. Люблю эти

умиротворенные моменты. Даже жаль потом возвращаться в избушку.

Дмитрий.

Осенний лес, через который я шел вторую неделю, был тих. Лишь изредка на косматых темных елках появлялись рыжие белки и почти сразу же исчезали. Птиц вообще не было. Даже вороны не каркали над ухом, что тревожило. Только падали листья, дурманили пряными запахами, уговаривали свернуть с заветной тропинки, что указала мне нянюшка.

Я остановился, прислушался. Не нравятся мне такие места. Не может быть лес настолько безмолвным. Особенно днем! Ночью же эту тишину хоть мечом режь. Я нащупал клинок, что висел на поясе. Сдается, что в этом лесу нечисти столько, что и врагу не пожелаешь.

Спасибо отцу, единственному человеку, знавшему о моей силе, за то, что счел нужным научить владеть мечом. Он все же надеялся, что я выберу путь воина. Удалого, смелого, сильного... Может быть, все так бы и вышло, как он желал, да только убивать мне было противно.

Я не был трусом, не боялся смерти и да, рубил нечисть без

жалости, понимая, что либо она нас одолеет, либо мы – ее. Но... Нечисть – это не люди. Последних было жаль. Они – чьи-то братья, отцы, мужья, сыновья... Их ждали дома у горячих печей и до наступившей темноты, а может, и дольше, вглядывались в мутноватые стекла, надеясь, что вернутся... Живыми. И здоровыми.

Да, я согласен, что война не дает возможности выбирать, заставляет, подчиняет своей воле, но убивать невинных, таких же вынужденных подчиняться царскому указу молодых парней не желал.

После того как я вернулся с войны, разговор с отцом выдался непростым. Но отец меня не просто выслушал, но и услышал, понял и принял таким, какой я есть. Не чета родным братьям... Как же жаль, что отца нет в живых! Попросить бы сейчас совета, когда неведомая сила тянет на поиски той, что ночами снится. Манит, зовет, не отпускает... Суженая. Избранная. Предназначенная судьбой. Кем я буду, если от нее откажусь? Жалким ничтожным трусом. Предателем. Боги таких не любят и не прощают. Подделом, впрочем. Дар небес надо ценить: не так часто он падает тебе в руки.

Образ красавицы из сна встал перед глазами. Тонкая, стройная, как березка. Глаза ясные, как озера жарким летним днем. И русые волосы, непослушные, но я точно был уверен, что на ощупь – мягкие, словно

шелковые нити. Найду я тебя, найду. Слышишь?

Нет, конечно. Не слышишь. Не знаешь, что я есть на свете, что уже

в пути... Дождись. Пожалуйста.

Я потрянул головой и усмехнулся. За эти дни я настолько отвык от людей, петляя по лесу, что, казалось, разучился разговаривать. Хорош же буду, когда встречу свою ненаглядную. И двух слов связать не смогу. Мне захотелось рассмеяться, встревожив жуткую тишину чащи. И нечисть, что явно сейчас затаилась, перестала настораживать. Если честно, я боялся только одного – потерять среди листвы маленький клубок, заговоренный на поиск суженой. Страшнее этого ничего не было. Понимал, что путевые чары не должны рассеяться, пока не

выведут к моей избранной, но рисковать не смел, поэтому в деревни, что

попадались, не заглядывал. Слишком уж цена была высока.

Я прикрыл на мгновение глаза, сосредоточился, мысленно потянулся к деревьям, нащупывая зеленые, но не такие яркие, как летом, нити их жизни. Лес как лес. Не волшебный. От слова «совсем». Но, кикиморы болотные, почему же тут так тихо! Какая-то странная ворожба? И если нечисть рядом, то почему до сих пор не дала о себе знать и не напала? Непонятно. У меня создалось ощущение, что меня скорее охраняют, защищают, провожают...

Клубок коснулся сапога, поманил, и я прибавил шагу, откидывая посторонние мысли. К закату я оказался возле какого-то озера, поросшего камышом. Голые ветки плакучих ив тянутся к воде, тонут в песке. Ветра совсем нет, но по земле ползет холод. Кругом, разумеется, ни души.

Ох и странное местечко! Потрогал замерший клубок. Ни черта не понимаю! Куда он меня завел? Это здесь, что ли, моя суженая живет? Я еще раз оглядел спокойное озеро и пустынный берег.

Может, она русалка? Но говорят, что они давно сгинули. Впрочем, люди склонны приукрашивать правду, и порой настолько, что от настоящего

не остается даже сути и имен.

Я подошел к воде, вымыл руки и прикусил жухлую травинку. И все же... Русалка?

Суженая.

Только это имеет значение. И подумаешь, что нечисть! Главное, что любить будет так, как никто на всем белом свете! Хвост по сравнению с этим – так, мелочь. Безобидная. Построю дом на этом озере, крепкий и добротный, с расписными ставнями и слюдяными окошками. Мостки опущу в воду, крыльцо повыше сделаю, и заживем душа в душу. Сами боги обещают счастье тому, кто не сдастся на милость трудностям.

Я мечтательно вздохнул и решил немного передохнуть, прежде чем нырять в озеро за своей русалкой. Полагаю, так она на мой зов не откликнется: боится или желает, чтобы я доказал, что ее достоин. Знает же уже, что я тут, на берегу. Не может не чують моего присутствия!

Я от отца слышал, что суженая...

В небе неожиданно показалась темная точка. Я сосредоточился, призвал свой дар, позволяющий видеть скрытое. Хм-м-м... Я встал,

спрятался за деревьями, гадая, что же это может быть. Метла? Что возле озера делает ведьма? Или же... Луна вышла из-за туч в тот момент, когда девушка, обнимая кота, прыгнула на землю.

И мое сердце ухнуло вниз. Все же не русалка. Все же человек! Какая-то невиданная сила потянула меня к ней, заставляя забыть обо всем на свете. Сейчас обниму, подхватю на руки и никуда не отпущу!

Не вышло. Меня отшвырнуло прочь. Я ударился плечом о ствол, сполз вниз и попытался прийти в себя. Перед глазами стояла темнота, в голове гудело, а дышать стало настолько трудно, будто я оказался заперт в каменном мешке. Попал однажды в такой по собственной глупости, когда шла война. И воспоминания до сих пор свежи, как

роса поутру на траве.

Зрение вернулось, я поднялся и вздрогнул. Девушки на берегу не было. Только метла и черный кот, бьющий от нетерпения хвостом по земле. Куда делась моя суженая? И почему я не смог к ней подойти? И что делать? Я растерянно посмотрел на по-прежнему спокойное озеро.

Не понимаю.

Я тряхнул головой, запуская пальцы в волосы. Хотелось бы мыслить трезво и спокойно, но не получалось. Мне приходили одно за другим предположения, почему я не смог подойти к незнакомке. Какие-то наложенные чары не дали? Я не знал такого волшебства, даже не слышал. Или же она настолько разочарована в людях, что окружила себя непроходимой стеной? Если чародейка, то такое в ее силах. Но сдается, в таком случае я бы ее даже не увидел, будь она хоть сотню раз суженой!

Послышался всплеск, кот помчался к воде, что-то спросил, но слов я не различил, лишь шум. И тут до меня дошло, что кот говорящий!

Кикиморы болотные! Да чего ожидать от ведьмы?

Девушка ему ответила, выходя из воды, и, поеживаясь от осеннего холода,

начала одеваться. Я бесстыдно разглядывал ее тонкую фигурку, сгорая от желания обхватить девичий стан руками, зарыться в ее влажные волосы лицом, вдыхая аромат, покрыть поцелуями эту сливочную кожу... Дурман-трава моя!

Что же делать? Как подойти к тебе? И что сказать? Я снова ощутил себя несмышленным юнцом. Робким и застенчивым, неспособным

сделать решительный шаг.

Поднялся, подошел ближе, и снова невиданная сила впечатала меня

в дерево. Приходил я в себя дольше, чем в первый раз.

И что же это за чары проклятые, что не пускают даже на шаг к той, что дана мне светлыми силами!

Я выругался, потирая замерзшие руки, и бессильно прислонился к дереву. Только теперь и оставалось, что наблюдать за девушкой, сидящей возле костра и в его пламени казавшейся совсем хрупкой, беззащитной... Надо было бы и мне огонь разжечь, но оставлять ненаглядную одну (не считать же кота и метлу защитой!) не хотелось.

Остаток ночи я разминал усталые мышцы, пытаюсь согреться и

надеясь, что само собой придет правильное решение. И ничего...

Едва солнце выкатилось на небо, девушка поднялась, легла на землю и раскинула руки. Я недоуменно приподнял брови и уставился на нее. Что за ворожба? Я даже на время отключил свой дар, чтобы лучше разобраться в происходящем.

Тело девушки пошло волнами, она дернулась, как от судороги, вскрикнула и заметалась по земле, будто что-то жгло ее изнутри.

Меч я выхватил сразу же, рванул к незримой преграде, надеясь на чудо... Чуда не случилось. Только темнота появилась перед глазами, да спину от удара ломило так, что шевельнуться получилось с трудом. Приходил в себя на этот раз долго, а когда очнулся... Если честно, я подумал, что сошел с ума. Возле озера не было моей суженой. На метлу, цепляясь корявыми руками за древко, садилась уродливая старуха с черным котом, свисающим с ее плеча.

Ядвига.

– Кто-то идет, – сказал Сенька, лениво помахивая хвостом.

Я закатила глаза. Очередной проситель! Как же надоели! Неужели не могут оставить меня в покое? Даже устрашающий вид старушечки на них не действовал. Подавай им меч-кладенец, волшебный клубок да напои-накорми, спать уложи. Ироды проклятушие! Никак не верят, что я не ведьма. Ни капельки! Увы! Иначе бы точно наложила парочку сглазов, а для тех, кто посмелее, и порчу бы навела, сил не пожалела.

Поначалу, когда молодцам, которым не лень было добираться до моей избушки сквозь чащу, я мягко отказывала, объясняя, что нет во мне волшебной силы. В травах, да, разбираюсь. Могу сбор от болезни какой составить, взяв в качестве платы пару монет или что-то из еды

или утвари. Но ворожить... Мухоморы им в горошинку пусть видятся! Нет у меня волшебных клубков, мыши все сгрызли. А кот... Он для красоты и моего эстетического удовольствия, а не для охоты на пронырливых серых зверушек. И меч-кладенец заржавел, не дождался, когда добрый молодец явится. А уж кормить-поить... Я похожа на кухарку? Или на охотницу? Да и откуда у меня припасам взяться? Пожалели бы вы старушку! Сенька в такие моменты, когда я изображала из себя глупую сварливую бабку, еле сдерживался, чтобы

начать хохотать. Так ему было весело!

В прошлый раз, кстати, молодец – дородный такой детина со звучным голосом – требовал еще и баню затопить, напрочь отказываясь верить, что ее у ведьмы в лесу нет. Моя бы воля – окунула его в колодец вниз головой, чтоб остыл. Сдержалась только потому, что не могла я дотащить очередного богатыря до места. Тяжелый был, зараза. Особенно после того, как я его по темечку кочергой ударила. Думала, очнется – точно научусь бегать, как заяц, спасаясь от его гнева. Нет, детинушка оказался разумен, моим доводам внял,

повздыхал и отправился в обратный путь. Даже про волшебный клубок, с помощью которого хотел клад найти, не заикнулся.

Впрочем, это был исключительный случай. Остальные незнакомцы желали отыскать либо невесту, либо... меня. На вопрос, какого лешего им сдалась младшая царевна, удивленно таращили глаза. Наследство – полцарства в приданое, чтоб его, родное! До меня, моих чувств и желаний им никакого дела, разумеется, не было. Даже заклятие, весть о котором разнеслась по всему царству, их не пугало. Земли да золото подавай! Тьфу, пиявки болотные!

Не люблю я, в общем, молодцев. Совсем. Ведут себя, как невоспитанные хамы, и думают, что я им что-то должна. И главное, считают, что могут меня обидеть и даже ударить, если им отказали в выполнении

просьбы.

Про Сеньку, который щедро выпускал острые когти, оставляя на лице путников жуткие царапины, молодцы почему-то не помнили. Да и я метлой или той же кочергой так могла приложить, что мало не покажется. Без этого оружия даже за порог теперь не ступала, едва Сенька сообщал, что к нам очередной проситель рвется.

– Ну что? – кот потянулся и уставился на меня.

– А давай сделаем вид, что нас нет дома? – сварливо предложила я.

– Совсем нет? – ехидно спросил пушистый.

– Ага. Может, подождет наш добрый молодец и отправится восвояси.

– Этот – вряд ли. Упертый, как баран, – быстро дал характеристику
мой фамильяр.

К слову сказать, он никогда не ошибался.

Сенька умыл лапой мордочку, покосился на меня зелеными глазами.

– Ядвига, ты же знаешь, что мы не можем прятаться вечно! Да и вдруг...

Я на него шикнула, не дав договорить. Понятное дело, что кот намекает на то, что есть среди просителей тот, кому предназначено снять заклятие. Мой суженый. Это у меня надежда колышется, как свеча не ветру, а у Сени светится, как летнее яркое солнышко. Такое, если и не желаешь, все равно обогреет, касаясь, кажется, самой души. И делится со мной кот этой надеждой, спасает от тоски и уныния,

помогает

не отчаяться.

Я вздохнула, накинула плащ, прихватила кочергу и вышла на крыльцо. Мужчина в красном кафтане с золотой вышивкой в этот момент оглядывал пустой двор, поросший репьем и огромными лопухами. За спиной у него, как и полагается каждому доброму молодцу, торчали лук со стрелами, а на поясе в ножнах прятался меч. Мужчина снял с плеч два огромных мешка, обернулся и заметил меня.

Я недобро прищурилась. Не нравятся мне ни его поклажа, ни низкий, почти до земли поклон, ни сверкающие синие глаза, такие ясные, что полевые васильки от зависти завянут. И без коня явился, что весьма странно... Ох, не к добру!

– Здравствуй, матушка, – в голосе доброго молодца я почему-то уловила то ли веселье, то ли ехидство.

Или все же показалось? Что его могло насмешить? Кочерга, что ли, которую в руках старуха держит, в надежде себя защитить? Не уважаю я таких людей.

Молодец же смотрел на меня задумчиво и как-то слишком пристально. Это тревожило, казалось неправильным, заставляло

строить догадки, зачем он явился. А вдруг чародей? И если распознал во

мне младшую царевну, то тут кочерга не поможет.

Я глубоко вдохнула, стараясь унять дрожь. Не смогли ведь меня чародеи найти, сколько ни старались. Как-то не рассчитала сестрица, что наложенное заклятие собьет все поисковые чары. Смешно даже...

И с этими мыслями глупый страх отступил, затаился, пусть и на время, давая мне передышку.

Незнакомец по-прежнему смотрел на меня, явно ожидая ответного приветствия. Я молчала.

– Матушка...

Я выругалась. Сенька фыркнул. Ну и обращение! Впрочем, перед ним же старуха, чего ждать?

– Путевых клубков нет, мечи заржавели. С собой только сухарей могу

дать, – припечатала я.

Брови мужчины приподнялись, по лицу скользнула легкая улыбка.

– Я вообще-то... – он замялся, явно подбирая слова, – к тебе насовсем.

Я вытаращила глаза и глупо заморгала.

– В смысле?

– Жить, – просто ответил мужчин.

Я открывала и закрывала рот, не находя достойных слов. Нет, всякое было, конечно. Путники много просили, чего и в помине у меня не имелось. Даже девицы иногда сквозь чашу пробирались к избушке и выпрашивали несуществующие приворотные зелья. Заканчивались такие просьбы обычно тем, что добрые молодцы и красные девицы уезжали исполосованные Сенькиными когтями. Но чтобы такое! Ну и наглец! Поколочу. Однозначно. И если мозги на место не встанут – мой фамилляр добавит. Вон как сверкает глазами. И похоже намекает, что проблему надо сначала попробовать решить мирным путем.

– Милок, а ты избушкой не ошибся?

– Нет, бабуся. У тебя здесь тишь да благодать, а там... Молодец неопределенно махнул рукой.

– И что там? – голос у меня был вкрадчивым, ласковым.

– Двое старших братьев доставшееся от батюшки наследство делят.

– А ты, стало быть, решил от богатства отказаться? – спросил Сенька, выпуская когти и направляясь к мужчине.

Тот вздохнул. И почему-то совсем не удивился говорящему коту.

– Отец строго-настрога запретил вмешиваться, – туманно пояснил молодец.

Я смерила его взглядом с ног до головы. Одежда на мужчине роскошная, ножны расшиты самоцветами. Однозначно, его семья не бедствует, живет в довольствии.

И вот кто же в здравом уме от золота, хором богатых да земель откажется? Темнит он что-то. И врет. Ни одному его слову верить не получается.

– Отец у меня ведуном был, будущее мог видеть... Перед своей смертью велел ехать в лесную глушь, жить у тебя и...

– Что?

– Ждет меня здесь счастье, – вздохнул молодец. Прелестно!

– А ничего, что я против?

– Да я не собираюсь тебя обижать, – выдохнул он.

– Меня? Обижать?

Я замахнулась кочергой, но кот меня опередил. Сенька прыгнул на незнакомца, впиваясь когтями в плечо, и повис на разодранном, богато расшитом золотом рукаве черным комком.

– А-а-а-а! Отпусти!

Добрый молодец пытался отцепить от себя кота, тот шипел и рычал, пугая даже меня. Я подошла, погладила Сеньку по голове, взяла на руки, заставив отпустить.

– Шел бы ты отсюда.

– Да не могу я! – фыркнул этот упрямец, рассматривая раны от когтей и вздыхая так горестно, что мне вдруг стало его жалко. – Кто в здравом уме откажется от счастья?

– Дурак, – выдала я.

– Так я могу остаться?

– Нет.

Я поднялась на крыльцо и заперла дверь на все три засова. Не пущу я нежданных гостей даже за порог! Ишь, повадились шастать! Жить он у меня собирается! Да сдался ты мне, как крапива под забором!

Днем я безуспешно пыталась отвлечься. Даже взялась вышивать рубашку, пополняя свое приданое. Ненужное, бесполезное занятие.

Нитки рвались, иголка нещадно колола пальцы, а за окном то и дело мелькал добрый молодец, решивший остаться. Он притащил из леса деревьев, очистил их от веток, соорудил себе что-то вроде навеса, на время снова исчез. Я уж обрадовалась, что не вернется, надеюсь, что им серые волки подзакусили, как покосившаяся калитка распахнулась. Лапник несет, зараза такая, чтобы спать мягче было. Мужчина сгрузил поклажу, порылся в мешках и посмотрел на покосившийся забор, о чем-то задумавшись.

– Ядвига, – позвал Сенька, заставляя вздрогнуть и уколоть палец.

– Что?

– А может, он и есть тот самый, что снимет заклятие, а? – не выдержал и поинтересовался кот.

– Скольких мы привечали? – спросила я. – И что им было нужно?

Не я, Сень. Сам же знаешь. Разве эти неотесанные чурбаны способны

смотреть на что-то, кроме внешности? Про заклятие же нам не рассказать, иначе чары не снимутся. Так нам та ведьма сказала. Помнишь?

У Сеньки от моей правоты даже усы повисли, а сам он изрядно загрустил. Мы еще немного посидели, потом разогрели в печи похлебку, поели и легли спать.

Дмитрий.

Следует признать, что метла у моей суженой резвая. Угнаться за ней было невозможно. Я попробовал. И бежал, надеясь догнать, пока перед глазами не замелькали круги, а дыхание окончательно не сбилось. Бывалый воин, называется! А догнать какую-то метелку не смог!

Я отдышался, запоминая направление, в котором таяла в небе темная точка. Признаться, настолько растерялся, когда увидел, как на мою избранницу действует заклятие, что даже не окликнул, не остановил... Может, и к лучшему. Сейчас я пришел в себя, успокоился и точно знал, что не отступлюсь. Сниму с нее это заклятие, чего бы мне

это ни стоило!

Но тут же понял, что на деле все так просто не будет. Я мог видеть наложенные чары, но, как их снять, не имел понятия. Да и ворожба бывает разной. Нужно действовать осторожно и аккуратно. Иначе это все равно что давать человеку зубные капли, когда у него болит нога.

Придется возвращаться, пойти на могилу отца и призвать его призрак. Он всегда говорил, что точно меня услышит. Любил очень, даже баловал... Наследства, правда, не оставил. То ли знал, что мне оно не нужно, у меня другая судьба, то ли не хотел, чтобы я связывался с двумя старшими братьями. Я не нарушил данного слова, ушел, безгранично веря в отцовскую мудрость.

Знает ли моя суженая, как снять заклятие? И скажет ли... Сдается, что меня за сумасшедшего примет, если расскажу, что к чему. Придется иначе действовать. Завоевывать сначала ее доверие, а потом

– сердце.

И пусть даже не надеется, что сможет от меня сбежать! Не позволю. Не для того я был готов обойти полмира, чтобы навсегда выпустить из рук птицу счастья.

Я подхватил походные мешки, закинул их на плечи, бросил путевой клубок. Чары, как ни странно, сработали. Правда, двигался клубок медленно, грозя рассыпаться. Но через сутки я оказался на месте.

Огляделся, рассматривая наполовину сгнившую крышу,

поросшую мхом, тронул расшатанную калитку, которая жалобно всхлипнула, осмотрел двор, заросший бурьяном. И она тут живет?

Руки схались в кулаки. А если разбойники нападут? Или волки? Если первым делом было до сокровищ, а не до нее самой, то вторым без разницы кого съесть – молодую девушку или старуху.

Ну, суженая... Нарву сейчас крапивы и... ничего я не сделаю. Сдается, хватает ей и заклятия, чтобы седина в волосах была. Сердце затопила жалость и необъяснимая нежность. И едва суженая появилась на крыльце, сжимая кочергу, я постарался спрятать улыбку. Глаза у нее остались прежними, хоть и сверкали гневно. Я снова призвал свой дар, закрепил чары так, чтобы всегда видеть ее юное лицо.

Остаток дня, пока эта упрямец делала вид, что я ей безразличен, время от времени подглядывая за моими действиями в окно, я соорудил навес. Пришлось ходить в чащу, разыскивать подходящие деревца для креплений. Пока рубил стволы, прокручивал в голове состоявшийся занятный разговор. Да уж, легко у нас не получится! Согреть бы ее неверящее сердце, ставшее почти ледяным, да не пустит она меня в него. По крайней мере, сейчас.

Я устало вытер пот со лба, покосился на пенек. Вроде бы он раньше находился дальше. Или мне чудится? Подошел, наклонился, замахиваясь топором...

– И не совестно тебе, добрый молодец, порядочную нечисть пугать?

– заверещал пенек,

оборачиваясь лешим.

Тело у него поросло мхом и было покрыто яркими листьями. Нечистая сила повертела в руках-веточках свалившуюся с дерева шишку и уставилась на меня оловянными глазами.

– Лес, значит, мой портишь?

– Тебе так жалко пару корявых деревцев? – удивился я. Леший поцокал, покачал головой и вздохнул.

– И почему же ты меня не боишься?

– А должен?

Я знал, что лешие вполне нормальные, в отличие от другой нечисти, тех же кикимор или болотников. Они и помощь могут, если заблудился, и верный совет дадут, да и никогда мы, люди, с ними не воевали. Все их проказы – такая мелочь по сравнению с ожившими умертвиями да загрызнями.

Леший подозрительно на меня посмотрел. Наверное, думал, что я должен был от страха бежать без оглядки.

– Ты лучше скажи, что хотел... Не за деревья же ты меня ругать пришел.

– Прямо так сразу? – возмутился он.

– А есть смысл тянуть?

Нечистая сила стряхнула лист, шаркнула ножкой и уставилась на меня.

– Ну? – не выдержал я.

– Не обижай ее, – вдруг тихо сказал он.

Я даже не стал спрашивать, кого леший имел ввиду. И так понятно, что мою суженую.

– Ее обидишь! Сама, кого захочет, кочергой прибьет, не задумываясь. Да и тебе какое дело?

– Сердце у нее доброе, чистое...

– И?

– Сила в ней чародейская дремлет. Ядвига способна стать хранительницей
нашего леса.

Я присвистнул. Моя суженая – берегиня! Да для того, чтобы ей стать, любая чародейка все на свете отдаст. Только боги не объясняют причин, по которым наделяют людей способностью слышать силы природы, черпать их из нее и возвращать сторицей. Польза от этого всем есть. Берегини редки, как камни, прозванные в народе слезами.

– Только не знает она об этом, не ведает...

– Чего же не скажешь? – уточнил я.

– Так если намекнем, сила может и не пробудиться.

Леший грустно вздохнул, заискивающе посмотрел на меня.

– Ты, я вижу, парень славный и добрый.

Я усмехнулся, потому что нечистая сила замолчала.

– Я ее суженый.

– Правда? Увезешь?

Леший всполошился и уставился на меня таким печальными глазами,

что мне стало его жаль.

– А она захочет? – спросил я. – Да и рано об этом думать. Мне бы заклятие

с нее снять!

– Царица Марьяна толк в ворожбе знает.

– При чем тут она? – удивился я.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что не признал в своей суженой младшей

царевны? – ехидно заметил леший.

– Погоди, – попросил я, силясь прийти в себя. – Та самая Ядвига? Нечисть важно кивнула.

– И что теперь будешь делать?

– Да то же самое, что и собирался, – ответил я. – Какая разница, кто она? Все равно моей будет. У меня в сердце все горит от одного ее взгляда.

– За внешность полюбить легко...

– Да она сейчас старуха! – возмутился я. – И все равно же все внутри переворачивается. А душу разглядеть... найду способ. Нашел же

я возможность пробраться в

Барнувскую крепость незамеченным?

Леший хрипло рассмеялся. История про то, как добрый молодец переоделся девицей и принес стражам на воротах вино с сонным зельем, до сих пор гуляет в народе. Никто никак не мог понять, почему охрана согласилась открыть ворота в Гарду, приграничный город. Девица же пришла из леса.

Каких только выдумок не наслушался за эти годы! А на деле все просто было: кулаки у меня крепкие, ударил и влил зелье в рот. Не прикопаешься. А история... Только и говорят, что ее пишут герои. На самом

деле ее народ сочиняет.

– Так то крепость, а тут... девица недоверчивая, – назидательно заметила нежить, явно решив поучить меня уму-разуму. – Ты уж лучше, Дмитрий, действуй осторожно. Пугливая она.

Леший почесал корявым пальцем макушку, вздохнул и, хлопнув в ладоши, исчез с поляны. Я задумался. Так и не понял, зачем меня нечисть навещала. То ли рассказать о Ядвиге, то ли предупредить, чтоб не обижал, то ли совет дать...

Солнце уже катилось к горизонту, и мне пора было возвращаться. В этом лесу, судя по поведению его хозяина, меня не тронет никто, но

оставлять Ядвигу одну надолго не хотелось. Ей нужна моя защита и помощь.

И пусть сколько угодно твердит обратное!

Я порылся в котомке, поел хлеба с сыром, запил сбитнем. Еды осталось совсем ничего, надо решать, где взять еще. Либо идти в ближайшую деревню, чтобы купить, либо добывать в лесу. И к Ядвиге подход искать. Зима на носу, околею тут, ночи все холоднее становятся. Прошлым

утром по листьям изморось шла.

Я зевнул, заворачиваясь в теплый плащ и вдыхая дым костра.

Ядвига.

Утром меня разбудил странный звук. Будто кто-то заколачивал гвозди. Я открыла один глаз, потом второй, затем закрыла оба, забралась под подушку, надеясь спрятаться от шума, но это не спасло. Закуталась в одеяло, подошла к окну. За ночь пол остыл, казался ледяным. Бр-р-р!

Добрый молодец, скинув рубаху, щеголял голым торсом и, весело напевая, чинил забор. Кажется? Я даже глаза потерла на всякий случай. Нет, не кажется. Молотком замахивается, гвозди то и дело в пальцах сверкают, и доски ровным рядком опоясывают избушку.

– Подлизывается, – хмуро сказала я Сеньке, выжидательно смотрящего на меня своими огромными глазищами.

– Я не чувствую корыстных намерений, – отозвался друг.

– Зато я чувствую, сводник.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/olga-sergeevna-sherstobitova/>